

КНИГИ
МИЛАНА КУНДЕРЫ:

ШУТКА

СМЕШНЫЕ ЛЮБОВИ

ЖИЗНЬ НЕ ЗДЕСЬ

ВАЛЬС НА ПРОЩАНИЕ

КНИГА СМЕХА
И ЗАБВЕНИЯ

НЕВЫНОСИМАЯ
ЛЕГКОСТЬ БЫТИЯ

БЕССМЕРТИЕ

НЕСПЕШНОСТЬ

ПОДЛИННОСТЬ

НЕВЕДЕНИЕ

ТОРЖЕСТВО
НЕЗНАЧИТЕЛЬНОСТИ

ЖАК И ЕГО ГОСПОДИН

ИСКУССТВО РОМАНА

НАРУШЕННЫЕ ЗАВЕЩАНИЯ

ЗАНАВЕС

МИЛАН
КУНДЕРА

НАРУШЕННЫЕ
ЗАВЕЩАНИЯ

ДЕВЯТЬ ЭССЕ

Колibri

Москва

УДК 821.133.1
ББК 84(4Фра)-44
К 91

Milan Kundera
LES TESTAMENTS TRAHIS
Copyright © 1993, Milan Kundera
All rights reserved

All adaptations of the work for film, theatre,
television and radio are strictly prohibited.

Любые адаптации произведения для кино, театра,
телевидения и радио строго запрещены.

Перевод с французского Марианны Таймановой

Оформление обложки Вадима Пожидаева

Издание подготовлено при участии издательства «Азбука».

В тексте сохранены особенности авторской пунктуации.

ISBN 978-5-389-21629-7

© М. Е. Тайманова, перевод, 2004
© Издание на русском языке,
оформление.
ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“», 2022
Издательство КоЛибри®

СОДЕРЖАНИЕ

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ	
День, когда Панург не сумеет рассмешить	7
ЧАСТЬ ВТОРАЯ	
Кастрирующая тень святого Гарты	55
ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ	
Импровизация в честь Стравинского	83
ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ	
Фраза	147
ЧАСТЬ ПЯТАЯ	
В поисках утраченного настоящего	177
ЧАСТЬ ШЕСТАЯ	
Творения и пауки	215
ЧАСТЬ СЕДЬМАЯ	
Нелюбимый ребенок в семье	263
ЧАСТЬ ВОСЬМАЯ	
Дороги в тумане	289
ЧАСТЬ ДЕВЯТАЯ	
Мой дорогой, вы здесь не у себя дома	353

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ДЕНЬ,
КОГДА ПАНУРГ
НЕ СУМЕЕТ
РАССМЕШИТЬ

Изобретение юмора

Госпожа Грангузье, будучи на сносях, объелась требухой, да так, что пришлось дать ей вяжущего средства; оно так хорошо подействовало, что вены устья маточных артерий расширились и утробный плод Гаргантюа проскочил прямо в полую вену, а затем, взобравшись наверх, вылез через левое ухо мамыши. Уже с первых строк в этой книге выкладываются все карты на стол: все то, о чем идет речь, нельзя принимать всерьез: это означает: здесь не утверждается истина (научная или мифическая); здесь не берутся излагать факты такими, какие они есть на самом деле.

Счастливые для Рабле времена: бабочка романа вспорхнула, унося на своем тельце остатки куколки. Пантагрюэль в своем обличье великана еще принадлежит к прошлому волшебных сказок, в то время как Панург является пришельцем из пока еще не-

ведомого роману будущего. Уникальный миг рождения нового искусства придает книге Рабле невиданное великолепие; здесь есть все: правдоподобие и неправдоподобие, аллегория, сатира, великаны и обычные люди, анекдоты, размышления, путешествия реальные и вымышленные, ученые диспуты, виртуозные словесные отступления. Романист сегодняшнего дня, наследник XIX века, испытывает смешанную с завистью ностальгию по этому причудливо пышному миру первых романистов и по той радостной свободе, с которой они в нем обитали.

Точно так же как Рабле на первых страницах романа заставляет Гаргантюа упасть на подмости мира, вылетев из уха своей мамы, так и в *Сатанинских стихах* после того, как самолет взрывается в воздухе, двое героев Салмана Рушди падают, продолжая при этом переговариваться, петь, — словом, ведут себя комично и неправдоподобно. В то время как «над ними, сзади и в пустоте» летают кресла с регулируемым спинками, картонные стаканчики, кислородные маски и пассажиры; один из них, Джибрил Фаришта, плавал «в воздухе баттерфляем, сжимался в комок, вытягивал руки и ноги в квази-бесконечности на квази-рассвете», а другой,

Саладин Чамча, как «бесплотная тень... падал вниз головой в своем сером костюме, застегнутом на все пуговицы, руки по швам... на голове — котелок». Именно этой сценой открывается роман; Рушди, как и Рабле, знает, что договор между романистом и читателем должен быть заключен с самого начала; нужно, чтобы было ясно: то, о чем здесь рассказывается, нельзя принимать всерьез, даже если речь идет о вещах, как нельзя более ужасных.

Сочетание несерьезного и ужасного: вот сцена из *Четвертой книги* Пантагрюэля. Корабль Пантагрюэля встречает в открытом море корабль с торговцами баранами. Один из торговцев, увидев Панурга без гульфика, с очками, прикрепленными к колпаку, считает себя вправе над ним покуражиться и называет рогоносцем. Панург же в отместку покупает у него барана и бросает его в воду, все остальные бараны, привыкшие следовать за вожакom, тотчас же начинают прыгать за борт. Торговцы приходят в ярость, хватают баранов за шерсть, за рога и тоже падают с ними в воду. У Панурга в руках весло, но не для того, чтобы спасти торговцев, а чтобы помешать им вскарабкаться на корабль; он увещевает их, используя

все свое красноречие, расписывает мировые беды, счастье и прелести жизни на том свете, убеждая, что усопшие гораздо счастливее живых. Однако, если торговцы не против жить среди простых смертных, он желает им повстречаться с китом, например с китом Ионы. Как только массовое потопление завершено, добрый брат Жан поздравляет Панурга, укоряя его лишь за то, что он расплатился с торговцем и выбросил деньги на ветер. А Панург в ответ: «Клянусь силой Божьей, я позабавился тысяч на пятьдесят франков с лишком».

Сцена кажется ирреальной, невозможной. Содержится ли в ней по крайней мере мораль? Может быть, Рабле разоблачает скандальность торговцев, и тогда мы должны радоваться тому, что они наказаны? А может быть, он хочет, чтобы мы возмутились жестокостью Панурга? А может быть, как убежденный враг церковников, он высмеивает глупость религиозных клише, которые изрекает Панург? Догадайтесь! Любой ответ — ловушка для простофиль.

Октавио Пас: «Ни Гомер, ни Вергилий не знают, что такое юмор. Аристотель, кажется, предчувствует его появление, но свою истинную форму юмор обретает у Серванте-

са.... Юмор, — продолжает Пас, — великое изобретение современного ума». Основная мысль — юмор не был присущ человеку с незапамятных времен, это *изобретение*, связанное с рождением романа. Значит, юмор — это не смех, не издевка, не сатира, а особый вид комического, о котором Пас говорит так (и эти слова — ключ к пониманию сути юмора): «он делает двусмысленным все то, к чему прикасается». Те, кто не получает удовольствия от сцены, в которой Панург спокойно наблюдает, как тонут торговцы баранами, расписывая при этом прелести загробной жизни, никогда ничего не поймут в искусстве романа.

Область, где бездействуют моральные оценки

Если бы меня спросили, из-за чего чаще всего возникают недоразумения между моими читателями и мною, я бы без колебаний ответил: из-за юмора. Я в ту пору недавно поселился во Франции и уж никак не был избалован славой, и когда один известный профессор медицины пожелал встретиться со мной, потому что ему понравил-

ся мой *Вальс на прощание*, я был весьма польщен. Он считал мой роман пророческим; в образе моего героя, доктора Шкреты, который в городке на водах лечит якобы бесплодных женщин, впрыскивая им свою собственную сперму с помощью специального шприца, я коснулся проблемы будущего. Он пригласил меня на конференцию по искусственному оплодотворению. Достал из кармана листок бумаги и зачитал черновик своего выступления. Сдача спермы должна производиться анонимно, безвозмездно и (в этот момент он посмотрел мне прямо в глаза) должна мотивироваться тройной любовью: любовью к незнакомой яйцеклетке, жаждущей исполнить свою миссию; любовью донора к собственной личности, которая благодаря этому дару будет продолжена в потомстве; и, в-третьих, любовью к страдающей супружеской паре, которая не может осуществить свое желание. Потом он снова посмотрел мне в глаза и сказал, что, несмотря на все уважение ко мне, он позволит себе критику в мой адрес: мне не удалось достаточно впечатляющим образом выразить моральную красоту акта дарения спермы. Я стал защищаться: это ведь комический роман! Мой доктор Шкрета — фантазер! Не сле-

дует воспринимать все настолько серьезно. «Выходит, — спросил он недоверчиво, — ваши романы нельзя принимать всерьез?» Я смешался и вдруг понял: нет ничего труднее, чем заставить понять юмор.

В *Четвертой книге* на море поднимается шторм. Все выбегают на палубу, пытаясь спасти корабль. Один Панург, оцепенев от страха, только стонет: его изумительным стенаниям отведены целые страницы. Как только буря стихает, к нему возвращается мужество, и он начинает распекаать всех за лень. И вот что любопытно: этот трус, бездельник, лжец, притворщик не только не вызывает у нас возмущения, наоборот, именно когда он бахвалится, мы любим его больше всего. Именно в этом месте книга Рабле полностью и окончательно становится романом. То есть *областью, где бездействуют моральные оценки*.

Прекращение действия моральных оценок не означает аморальности романа, в этом его *мораль*. Это мораль, которая противостоит неистребимой человеческой привычке судить мгновенно, безостановочно, всех и вся. Судить преждевременно и безосновательно. Эта страстная готовность судить с точки зрения мудрости романа является самой отвра-

тительной глупостью, самым опасным злом. Романист не оспаривает законности моральных оценок как таковых, он лишь выносит их за пределы романа. Если это доставит вам удовольствие — там и осудите Панурга за трусость, осудите Эмму Бовари, осудите Рас-тиньяка, дело ваше; романист тут ни при чем.

Создание воображаемого пространства, где бездействуют моральные оценки, было подвигом особой важности: только здесь могли раскрыться персонажи романа, а именно индивиды, задуманные не ради ранее существовавшей истины, как примеры добра и зла или как воплощение объективных законов, которые сталкиваются между собой, а как независимые существа, созданные на основе их собственной морали, их собственных законов. Западное общество взяло за правило представлять себя как общество, где соблюдаются права человека. Но прежде чем человек смог получить эти права, он должен был сформироваться как индивидуум, считать себя таковым и считаться таковым. Этого не могло бы произойти без долгого практического опыта европейских искусств и, в частности, романа, который учит читателя проявлять любопытство по отно-

шению к другим и пытаться понять истины, отличные от тех, которые он исповедует сам. В этом отношении прав Сиоран, описывая европейское общество как «общество романа» и называя европейцев «сыновьями романа».

Профанация

Отказ от обожествления мира (Entgöttergung) — это один из феноменов, характеризующий Новое время. Отказ от обожествления мира не означает атеизм, это ситуация, когда индивидуум, мыслящее эго, заменяет Бога как основу всего; человек может сохранять веру, преклонять колени в церкви, молиться в постели, его святость теперь будет принадлежать лишь его собственному субъективному миру. Описав эту ситуацию, Хайдеггер заключает: «И таким образом, в конце концов боги ушли. Образовавшийся в результате этого вакуум заполнился историческими и психологическими исследованиями мифов».

Исследовать мифы и священные тексты с точки зрения истории и психологии означает десакрализовать и профанировать их.

Слово «профанация» происходит от латинского profanum: место около храма, вне храма. Профанация — это вынос священного из храма, перенос его во внерелигиозную сферу. В той мере, в какой смех невидимо рассеян в атмосфере романа, профанация романа — это худшее из возможного. Поскольку религия и юмор несовместимы.

Тетралогия Томаса Манна *Иосиф и его братья*, написанная между 1926 и 1942 годами, — это прежде всего «историческое и психологическое исследование» священных текстов. Изложенные в ироничной и возвышенно скучной манере Манна, они тут же перестают быть сакральными: Бог, который в Библии существует извечно, у Манна превращается в творение человека, выдумку Авраама, который извлек его из хаоса политеизма как божество — сперва высшее, затем единственное. Зная, кому Он обязан своим существованием, Бог восклицает: «Просто невероятно, до чего основательно эта персть земная Меня познает! Кажется, Я начинаю делать Себе имя с ее помощью? Право, помажу ее!» Но прежде всего Манн подчеркивает, что его роман — произведение юмористическое. Святое Писание претендует на то, что способно вызвать смех! Как в истории

с женой Потифара и Иосифом; обезумев от любви, она прикусывает язык и произносит свои обольщающие речи, сюсюкая, как ребенок, *лозись со мной, лозись со мной*, пока Иосиф, три года хранящий целомудрие, день за днем терпеливо объясняет сюсюкающей, что им не дозволено заниматься любовью. В тот роковой день они оказываются вдвоем в пустом доме; она продолжает настаивать, *лозись со мной, лозись со мной*, а он снова терпеливо, наставительно приводит ей доводы, почему нельзя заниматься любовью, но во время этого объяснения его плоть восстает, восстает, господи боже мой, восстает так изумительно, что жена Потифара, увидев это, в вожделении разрывает на нем рубаху, но когда Иосиф спасается бегством, а плоть его при этом все еще восстает, она, обезумев, отчаявшись и неистовствуя, зовет на помощь, обвиняя Иосифа в надругательстве.

Роман Манна заслужил всеобщее признание; это доказывает, что профанация уже не считалась оскорблением, а являлась отныне частью системы нравственности. В Новое время неверие перестало быть подозрительным и провокационным, а вера, со своей стороны, утратила миссионерскую убежденность или былую нетерпимость. В этой эво-

люции решающий удар был нанесен сталинизмом: при попытке стереть из памяти все связанное с христианством вдруг стало до боли ясно, что все мы, верующие и безбожники, богохульники и святоши, принадлежим к той же культуре, уходящей корнями в христианское прошлое, без которой мы были бы лишь бесплотными тенями, резонерами, растерявшими свой словарный запас, апатридами духа.

Меня воспитали атеистом, и мне нравилось быть таковым вплоть до того дня, когда в самые черные годы коммунистического режима я увидел, как глумятся над христианами. В одно мгновение подстрекательский и беззаботный атеизм моей молодости испарился, словно юношеский вздор. Я понимал своих верующих друзей и иногда, охваченный порывом солидарности, бывал с ними на службе. При этом я не приходил к убеждению, что Бог как вершитель наших судеб существует. Как бы то ни было, что я мог знать об этом? А они, что могли они об этом знать? Были ли они действительно уверены в своей уверенности? Я сидел в церкви со странным и счастливым ощущением, что мое безверие и их вера соседствуют удивительным образом.

Колодец прошлого

Что такое индивидуум? В чем состоит уникальность личности? Все романы стараются дать ответ на этот вопрос. И впрямь, что определяет «меня самого»? Поступки персонажа, его действия? Но ведь действие вырывается из-под власти автора и почти всегда оборачивается против него. Значит, внутренняя жизнь, мысли, скрытые чувства? Но разве человек способен понять самого себя? Могут ли скрытые мысли служить ключом к пониманию его личности? А может быть, человек определяется своим мировоззрением, идеями, *Weltanschauung*? В этом состоит эстетика Достоевского: его герои вросли в свою собственную весьма своеобразную идеологию, согласно которой они и действуют, руководствуясь прямолинейной логикой. Но у Толстого, в противоположность этому, индивидуальная идеология, на которой зиждется уникальность личности, не бывает застывшей: «Степан Аркадьевич не избирал ни направления, ни взглядов, а эти направления и взгляды сами приходили к нему, точно так же как он не выбирал формы шляпы или сюртука, а брал те, которые носят» (Анна Каренина). Но если индивидуальность

Кундера М.

К 91 Нарушенные завещания : девять эссе / Милан Кундера ; пер. с фр. М. Таймановой. — М. : КоЛибри, Азбука-Аттикус, 2022. — 416 с.

ISBN 978-5-389-21629-7

Франсуа Рабле, Салман Рушди и Франц Кафка, Людвиг ван Бетховен и Арнольд Шёнберг, Леош Яначек и Игорь Стравинский, Лев Толстой и Эрнест Хемингуэй, Дени Дидро, Мигель де Сервантес, Витольд Гомбрович, Томас Манн, Роберт Музиль, Уильям Фолкнер... Эссе одного из самых популярных писателей современности Милана Кундера «Нарушенные завещания» — страстная апология романа, история и анализ этого жанра, вписанные в блистательно емкую и красочную картину развития литературы и музыки. В «Нарушенных завещаниях» внятно звучит благородный голос в защиту великолепных творцов, которые уже не могут защитить себя и свои произведения сами и порой посмертно становятся жертвами доброжелательных поклонников — критиков, переводчиков и даже близких друзей. Местами провокационная, неизменно проницательная и замечательно элегантная, эта книга распаивает перед нами глубины творчества и расширяет границы нашего читательского восприятия.

УДК 821.133.1

ББК 84(4Фра)-44

Литературно-художественное издание

МИЛАН КУНДЕРА
НАРУШЕННЫЕ ЗАВЕЩАНИЯ
ДЕВЯТЬ ЭССЕ

Ответственный редактор Анастасия Грызунова
Художественный редактор Вадим Пожидаев
Технический редактор Татьяна Раткевич
Компьютерная верстка Михаила Львова
Корректор Виктория Седакова

Подписано в печать 02.09.2022. Формат издания 84 × 108^{1/32}.
Печать офсетная. Тираж 2000 экз. Усл. печ. л. 21,84.
Заказ №

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.):

16+

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» —
обладатель товарного знака „Издательство КоЛибри“
115093, г. Москва, ул. Павловская, д. 7, эт. 2, пом. III, ком. № 1
Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
в Санкт-Петербурге
191123, г. Санкт-Петербург, Воскресенская наб., д. 12, лит. А
Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».
170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1,
комплекс № 3А.
www.pareto-print.ru

УСМ-30582-01-R